

научная статья
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.3.5

Политические аспекты проблем Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая на современном этапе

Милькевич Федор Петрович ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия

✉ milkevich.fp@edu.spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7817-9309>

Аннотация. Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) Китая представляет собой стратегически важный, но одновременно проблемный регион. Географическое положение делает регион важным при осуществлении многих политических инициатив КНР, однако этнокультурные противоречия в регионе создают серьезные вызовы. Актуальность темы исследования обусловлено растущей значимостью Синьцзяна в реалиях политических отношений не только с соседствующей Центральной Азией, но и со всем блоком западных демократических стран. Фокус исследования составляют политические аспекты и их влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны. В рамках исследования анализируется геополитическая значимость региона для Китая, подчеркивая его стратегическое расположение и его роль как транспортного хаба, раскрываются сложные этнические и религиозные противоречия, вызывающие серьезные опасения правительства. Уделено внимание дипломатическим последствиям жесткого подхода Китая к СУАР, включая трения с Западом и влияние на реализацию инициативы «Пояс и путь». В исследовании используются методы историко-политического анализа, контент-анализа официальных документов и статистических данных, а также сравнительный анализ для сопоставления политики в отношении уйгуров и других этнических меньшинств. Проведенный анализ показывает, что район является стратегически важным регионом для Китая по целому ряду причин. Географическое положение на границе с Центральной Азией делает его жизненно важным звеном в амбициозных политических планах КНР. Вместе с тем, этническое разнообразие региона, создает серьезные внутренние вызовы для Китая и требует постоянных затрат ресурсов. Жесткий контроль над СУАР, в свою очередь, вызывает острую критику со стороны западных стран, подрывая имидж Китая. Результаты данного исследования могут быть полезны при выработке дальнейших стратегических решений касательно политических отношений с Китаем и для понимания мотивов политики КНР в отношении СУАР.

Ключевые слова: Синьцзян; уйгуры; Пояс и путь; сепаратизм; Центральная Азия; Шелковый путь

Для цитирования: Милькевич Ф.П. Политические аспекты проблем Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая на современном этапе // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 3. С. 86–105. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.3.5

© Милькевич Ф.П., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.3.5

Political Aspects of the Problems of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China at the Current Stage

Fedor P. Milkevich ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ milkevich.fp@edu.spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7817-9309>

Abstract. *The Xinjiang Uyghur Autonomous Region (XUAR) of China is a strategically important, but at the same time problematic region. Its geographical location makes the region important for the implementation of many of China's political initiatives, but cultural contradictions in the region create serious challenges. The relevance of the research topic is due to the growing importance of Xinjiang in the realities of political relations, not only with neighboring Central Asia, but also with the entire bloc of Western democratic countries. The focus of the study is on political aspects and their impact on the country's domestic and foreign policies. The study analyzes the geopolitical significance of the region for China, emphasizing its strategic location and its role as a transport hub, and reveals complex ethnic and religious contradictions that cause serious concerns for the government. Attention is paid to the diplomatic consequences of China's tough approach to the XUAR, including friction with the West and the impact on the implementation of the Belt and Road initiative. The study uses methods of historical and political analysis, content analysis of official documents and statistics, and comparative analysis to compare policies towards Uyghurs and other ethnic minorities. The analysis shows that the region is a strategically important region for China for a number of reasons. Its geographical location on the border with Central Asia makes it a vital link in China's ambitious political plans. At the same time, the ethnic diversity of the region creates serious internal challenges for China and requires constant resource expenditure. Tight control over the XUAR, in turn, causes sharp criticism from Western countries, undermining China's image. The results of this study may be useful in developing further strategic decisions regarding political relations with China and for understanding the motives of China's policy towards the XUAR.*

Keywords: Xinjiang; uyghurs; Belt and Road; separatism; Central Asia; New Silk Road

For citation: Milkevich, F.P. Political Aspects of the Problems of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China at the Current Stage. *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 3. P. 86–105. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.3.5

© Milkevich, F.P., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК:
5.5.1. История и теория политики

Введение

Синьцзян-Уйгурский автономный район (далее – СУАР) представляет собой стратегически важный, но в то же время проблемный регион для Китая. Его ключевое географическое положение и роль в качестве транспортного хаба делают СУАР жизненно необходимым для реализации масштабной инициативы «Пояс и путь», однако сложные этнические и религиозные противоречия в регионе создают серьезные внутренние вызовы для Китая. В отличие от ряда работ, фокусирующих внимание лишь на экономических и инфраструктурных аспектах СУАР, данное исследование всесторонне анализирует политические аспекты ситуации в регионе и их влияние на внутреннюю стабильность и внешнюю политику Китая. Хотя стратегическая значимость СУАР для Китая хорошо известна, остаются неясными долгосрочные последствия жесткого подхода правительства КНР к «уйгурскому вопросу» и его влияние на отношения с Западом. Данная статья призвана восполнить этот пробел, предоставив всестороннее понимание политических аспектов ситуации в Синьцзяне.

Синьцзян – это огромный, не имеющий выхода к морю регион на северо-западе Китая. Климат, географические особенности, такие как горы, каменные пустыни и полупустыни с вкраплениями оазисов, экономическое отставание региона в сравнении с другими районами КНР, а также слабо развитая инфраструктура делает Синьцзян не самым привлекательным местом для заселения. Население преимущественно состоит из уйгуров, чья численность стабильно растет с 1982 г., увеличиваясь в среднем на 1,5 млн. человек каждые 10 лет [1]. Это, тем не менее, не отменяет того факта, что паритет между различными этническими группами в СУАР уже давно начал смещаться в пользу государствообразующей нации – ханьцев, доля которых в структуре населения Синьцзяна постепенно увеличивалась и, по расчётам на 2020 г., составила около 40% [2]. При помощи привлечения ханьского населения в регион китайское правительство решило множество проблем, начиная с трудового вопроса и заканчивая увеличением уровня лояльности всего района в целом, однако этот факт воспринимается крайне враждебно со стороны местного населения, который видит в нём стремление официального Пекина к ассимиляции уйгурской культуры и её подавлению [3].

Материалы

В работе используется широкий спектр источников, включая официальные «Белые книги» и заявления правительства Китая, академические статьи и исследования китайских и западных ученых по таким темам, как безопасность, экономическое развитие и “дерадикализация” Синьцзяна. В исследовании используются методы историко-политического анализа для выявления роли СУАР в формировании геополитических стратегий Китая, контент-анализа официальных документов и статистических данных, а также сравнительный анализ для сравнения политики в отношении уйгуров и других этнических меньшинств.

Экономическая, техническая и, в целом, общая эффективность Синьцзяна, постоянно возрастает, что китайские исследователи связывают именно с долгосрочными планами, касающимися места Синьцзяна в национальном развитии. Старший статистический исследователь Хэнаньской академии социальных наук Цао Лэй отмечает, что Синьцзян уже позиционируется как «Основной регион Экономического пояса Шелкового пути» (“丝绸之路经济带核心区”). Начиная с 18-го Всекитайского съезда КПК в 2012 г., Синьцзян, опираясь на своё положение «Связующего выхода с Востока на Запад» (东联西出), а также в рамках нескольких экономических программ КНР по приобретению активов за рубежом и привлечению иностранных инвестиций («Выход вовне» (“走出去”) и «Приглашение войти» (“请进来”)) постоянно укрепляет сотрудничество с пятью приграничными странами Центральной Азии. Сотрудничество в областях экономики и торговли, инфраструктуры, сельского хозяйства, науки и техники, образования, здравоохранения, туризма, гуманитарных наук и т.д. осуществляется на всех уровнях и постоянно углубляется [4].

Синьцзян, по мнению большинства исследователей, перестает иметь свой маргинальный статус ресурсного придатка КНР. Преподаватель Академии общественных наук КНР Фэн Цзяньюн уже заявлял, что благодаря концепции BR¹, СУАР и другие приграничные территории

¹ BRI – The Belt and Road Initiative (инициатива «Пояс и путь»).

приобретают статус «центров регионального общества» (区域社会的“中心地带” quyu shehui de “zhongxin didai”) и перетягивают на себя влияние традиционно более развитых прибрежных районов (从边缘到中心 cong bianyuan dao zhongxin). Помимо прочего, КНР активно развивает сеть автомагистралей, по которой можно доставлять товары в обход морских маршрутов. В 2024 г. Китайские власти планируют инвестировать ещё 9,5 млрд. долларов в сеть автодорог [5]. По планам длина дорожного покрытия должна составить 210 тыс. км к 2025 г. В городах на путях следования грузов финансируется развитие соответствующей инфраструктуры, строятся транспортные аэропорты, клиники, лаборатории, проводятся форумы “Шелкового пути”. Всё это говорит о масштабных усилиях Китая по преобразованию этой инициативы BRI не столько в связную сеть крупных экономических контрактов, сколько в стремление интегрировать все затрагиваемые территории в единое связанное политическое пространство «Сообщества единой судьбы», что отмечается в работах доцента Сычуаньского университета Хан Юаня [6].

СУАР при этом занимает стратегически важное место в этих планах.

За последнее десятилетие правительство КНР окончательно сформировало свое видение этнических проблем Синьцзяна. Самый полный и наиболее недавний взгляд Китайского правительства на этничность уйгуров был представлен в официальной Белой книге, 2019 г. «Исторические вопросы, касающиеся Синьцзяна». Основной целью документа является создание акцента на тесной связи истории Синьцзяна с историей Китая. Документ оговаривает, что КНР не признает ряд общепринятых исторических концепций, связанных с происхождением уйгуров, вплоть до того, что отказывается признавать уйгуров как тюркский народ, а лишь как народ, говорящий на тюркском языке. В то же время «называть турками» все народности, проживающие на территории Синьцзяна и использующие тюркские языки, согласно логике КНР, некорректно, поскольку это «размывает границы идентичности» и снижает статус уйгуров, казахов, узбеков, татар и других как официально признанных национальностей [7].

Китай, ожидаемо, не признает никаких инкарнаций государства Восточный Туркестан, настаивая на том, что такого государства никогда

не существовало. Восточный Туркестан, как восточная часть региона, названного в XVIII в. Туркестан (к северу от Афганистана и к югу от Тянь-Шаня), является географическим термином, а пропаганда подобного политического термина стала инструментом в руках этнических сепаратистов и внешних сил, стремящихся ослабить позиции Китая в регионе. Современные китайские научные публикации на тему сепаратистского движения в Синьцзяне не многочисленны и, в основном, ученые сходятся во мнении, высказанном преподавателем педагогического университета Хунгана, что на данном этапе ситуация является ярким примером стратегии США по «использованию Синьцзяна для сдерживания Китая» (以疆制华). В рамках борьбы с Китаем США делает акцент именно на вмешательство в дела Синьцзяна путем неофициального финансирования сепаратистских сил и международных антикитайских организаций, а также фабрикация ложной информации [8].

Помимо прочего, в упомянутой Белой книге оговаривается, что ислам не является для уйгуров ни коренной, ни единственной верой. До его распространения уйгуры практиковали буддизм, шаманизм и другие традиционные верования. Сама же исламизация проходила не в рамках культурного выбора, а в ходе конфликтов и религиозных войн, что не умаляет важности ислама в жизни уйгуров, однако и не делает ислам решающим фактором самоидентичности Синьцзяна. В свою очередь, радикализация региона произошла на волне усиления религиозного экстремизма в конце XX в., и ни в коей мере не является частью культурной идентичности, а подобные течения «по своей природе являются античеловеческими, антиобщественными, антицивилизационными и антирелигиозными».

В другой официальной Белой книге, 2020 г. «Занятость и трудовые права в Синьцзяне» Китай аргументирует, что так называемая проблема Синьцзяна, в первую очередь, является проблемой доступа к работе, а не этническим, религиозным или культурным вопросом. Таким образом, чтобы решить её требуется всесторонняя программа по обучению населения и предоставления им возможности работать. Правительство КНР стремится интегрировать уйгурское население в экономику страны посредством обширной программы профессионального обучения и

трудоустройства; пытается достичь того, чтобы «каждая семья имела доступ к возможностям трудоустройства, у каждого человека есть работа, и каждый месяц эта работа приносит доход» [9, с. 7].

Правительство Китая считает, что основные угрозы, такие как терроризм и экстремизм, связаны напрямую с бедностью, и с началом политики «Реформ и открытости» Китай активно борется с бедностью, ставя акцент на доступ к образованию и востребованность работников. Озабоченность международного сообщества вызывают сообщения о возможных нарушениях прав человека в Синьцзяне, включая массовые задержания и привлечение уйгуров к принудительному труду в лагерях.

В 2018 г. Китай признал существование таких «недобровольных» лагерей, назвав их «центрами профессионального обучения и трудоустройства», необходимыми для борьбы с экстремизмом в регионе. В Белой книге, 2019 г. «Профессиональное образование и обучение в Синьцзяне» указывается, что подобную переподготовку в центрах проходят три категории людей, распределенных по степени тяжести совершенного ими террористического или экстремистского проступка. В китайской научной литературе обвинения в принудительном труде активно обсуждаются до сих пор, однако, традиционно сводятся к признанию того, что подобные заявления являются мерой борьбы США с китайскими товарами. Для борьбы с бедностью правительство КНР прикладывает усилия по перераспределению рабочей силы в отстающие или перспективные отрасли, которые стали центром внимания западных правозащитников. Под эгидой борьбы с принудительным трудом многие крупные мировые бренды прекратили покупку хлопка из Китая, а в дальнейшем подобные санкции частично распространились ещё и на техническую и пищевую отрасли [10].

В официальной Белой книге, 2021 г. «Уважение и защита Права всех этнических групп в Синьцзяне» правительство КНР вновь подтверждает свою приверженность идеалам защиты права на свободное вероисповедание, защищая законные практики и предотвращая незаконную активность [11]. Незаконной активностью в данном случае является любая деятельность, неконтролируемая государством: проповеди от служащих, не прошедших специальную патриотическую подготовку,

несогласованные религиозные мероприятия или мероприятия вне установленных на государственном уровне религиозных заведений, запрет на публикацию не рецензированных религиозных книг и т.п. [12].

В другой, более ранней Белой книге, 2016 г. «Свобода вероисповедания в Синьцзяне» КНР уже высказывал свою позицию по поводу незаконных религиозных практик. В этом же документе закрепляется главенствующая роль действующих ограничений в деле борьбы с терроризмом и экстремизмом. «Деэкстремизация», принятая в Синьцзяне, эффективно сдержала распространение религиозного экстремизма и внесла большой вклад в международную «деэкстремизацию», предотвращение терроризма и борьбу с ним, а также мир и развитие во всем мире [13]. Однако, для достижения полученных результатов Китай нередко прибегает к практикам, которые были бы осуждены в западных странах. Тем не менее, то, что осуждается на западе, вполне соотносится с тем, что китайские ученые, в том числе исследователь Академии общественных наук Синьцзяна Юй Шанпин, рекомендуют в качестве основных методов совершенствования сложившихся религиозных отношений в регионе [14; 15]. Согласно ему в первую очередь Китай должен стремиться к ещё большему усилению организации религиозных практик.

Синьцзян становится ареной противостояния между Китаем и Западом, а от самой ситуации в районе будет во многом зависеть не только стабильность региона, но и развитие глобальной торговли и экономического сотрудничества. То, что в первую очередь привлекает в BRI это возможность развития инфраструктуры и привлечение иностранных инвестиций, что особенно важно для стран Центральной Азии. Общая сумма таких инвестиций в экономики стран-участниц растёт ежегодно. Инвестиции в новые проекты создают рабочие места так необходимые странам с развивающейся экономикой [16].

Современный Шёлковый путь также накладывается и на маршруты доставки ресурсов, в основном нефти и газа. Пути через Казахстан, Туркменистан и Узбекистан имеют важное значение для энергетической безопасности Китая, и СУАР, являясь пограничным районом, должен

оставаться благополучным и таким образом гарантировать бесперебойную работу этих магистралей для доставки нефти и газа в Китай.

Результаты исследования

Проведенный анализ документов показывает, что ситуация в СУАР является одним из ключевых, как внутривосточных, так и внешнеполитических вызовов для Китая. Тем не менее, китайские и западные ученые разнятся в оценке эффективности и долгосрочных последствий принимаемых мер. Западная позиция представляется весьма ограниченной и, действительно, не берёт во внимание целый ряд успехов Китая в вопросе интеграции целого региона. С другой стороны, позиция китайских ученых по большей части выражает мысль о том, что цель оправдывает средства и также представляется чересчур радикальной. Таким образом, решение проблемы кроется в том, чтобы придерживаться курса, выбранного правительством Китая, принимая во внимание критику нарушений прав человека.

Обсуждение

Синьцзян является важной ресурсной базой Китая, где активно развиваются нефтегазовые инфраструктуры. Регион играет ключевую роль в стратегии диверсификации энергетических поставок, будучи пограничным с богатыми углеводородами странами Центральной Азии. Однако его приграничный статус также создает риски для национальной безопасности Китая, что требует усиленного контроля и стабильности со стороны правительства. Ситуация усугубилась уходом американских военных из Афганистана и ещё большей активизацией радикальных движений, что побуждает КНР проводить жёсткую политику на границе.

Несмотря на риски, Синьцзян остается стратегически важным регионом, за который Коммунистическая партия Китая готова бороться всеми средствами. Культурный обмен и развитие приграничных территорий рассматриваются как ключевые инструменты для интеграции полиэтничного региона, создающего платформу для формирования единых культурных ценностей [17]. Географическое расположение СУАР наделяет его качествами транзитной территории и превращает его в своеобразные ворота между материковым Китаем и Центрально-

Азиатским регионом, а благодаря стратегическому планированию китайского правительства район также становится передовым по привлечению инвестиций.

Благодаря своему расположению в сердце Евразии, Синьцзян становится важным узлом в инициативе «Пояс и путь». Эта инициатива, зародившаяся в начале 2010-х годов, превратилась в один из главных внешнеполитических приоритетов Китая. В пике своих вложений Китай выделял до 124 млрд. долларов ежегодно, и даже в условиях пандемии продолжал инвестировать в своё грандиозное геополитическое детище [18].

Одной из причин возникновения BRI стало преобладание морских перевозок в торговле между Азией и Европой. Западные исследователи отмечают, что концепция «Шелкового пути» как таковая никогда не исчезала, а лишь сдерживалась геополитической ситуацией XX века [19]. В связи с этим, Китай активно инвестирует в инфраструктурные проекты на Евразийском континенте. В том числе в греческий порт Пирей, скоростную железную дорогу Будапешта – Белград и др. Многие аналитики уже сейчас предрекают дальнейшее соединение этой ветки с Пирейским портом для создания оптимального торгового маршрута движения китайских товаров в Центральную и Юго-Восточную Европу в обход перегруженных портов Северного моря [20].

Что касается реализации торговых путей, связывающих Китай с Европой по суше, то большинство из возможных путей проходят через Центрально-Азиатский регион и, учитывая какое внимание КНР уделяет железнодорожному сообщению, можно ожидать, что количество инвестиций в этот тип перевозок продолжит расти в ближайшем будущем.

Тем не менее, постоянно нависающая угроза усиления этнического напряжения и ужесточения сепаратистских настроений в районе продолжает оставаться тревожным фактором, требующим от официального Пекина больших политических и экономических усилий. Постоянно возникающие вызовы требуют пристального внимания со стороны КНР. На современном этапе блок западных стран активно поддерживают если не открытую конфронтацию с Китаем, то, по меньшей мере, активную критику и политически мотивированные ограничения в отношении проекта «Пояс и путь». К сожалению, в подобной

конфронтации проигрывают, в основном, местные уйгуры, а этнические противоречия так и продолжают оставаться серьезным вызовом для всего региона в целом.

Синьцзян в видении КНР является неотъемлемой частью Китая, а его этническое культурное разнообразие должно быть интегрировано в китайскую систему подобно интеграции народа хуэй, который не видит свое будущее отдельно от Китая, хоть и являются мусульманами. Для достижения поставленных целей на геополитической арене Китай должен преодолеть вызовы Синьцзяна, а для преодоления этих вызовов требуется безоговорочный контроль над регионом, чем и объясняются его решительность вопреки, казалось бы, постоянному давлению со стороны мирового сообщества, правозащитных организаций и самого населения СУАР.

Китай активно использует технологии для контроля над недовольными гражданами, вспомнить хотя бы нашумевшую систему социального кредита (社会信用体系 shehui xinyong tixi). После назначения Чэнь Цюаньго на пост главы парткома СУАР и введения системы «полицейских участков для пользы людям» в Синьцзяне значительно усилился контроль за жителями вместе с критикой за нарушения прав человека. Однако сам Китай очень гордится своей системой полицейского контроля, и не без причин. Благодаря её работе за последние пять лет в Синьцзяне не произошло ни одного крупного инцидента. Данная система создала в Синьцзяне «среду социальной стабильности» (社会稳定环境), так необходимую при реализации программ по дальнейшему развитию региона [21].

Китай является одним из крупнейших мировых экономических и политических игроков, а потому правительство КНР использует свое влияние на международном уровне, чтобы влиять на восприятие ситуации. Китай безусловно осознает, что серьезное сепаратистское и экстремистское движение на данный момент невозможно организовать внутри страны, а потому пытается убедить мировое сообщество и правительства стран Центральной Азии, стран-участниц ШОС, в необходимости проведения контртеррористических мероприятий. При этом к террористической деятельности Китай относит и деятельность

уйгурских правозащитных организаций, действующих на территории вышеупомянутых стран, что приводит к тому, что Китай, напрямую или косвенно, воздействует на политику этих стран в отношении уйгурского вопроса. Так, ближайшие соседи Китая регулярно предотвращают любые пикеты, организованные в защиту уйгуров, а также экстрадируют митингующих обратно в Китай. Поэтому большинство подобных организаций, или организаций, которые в конечном итоге выступают за независимость Синьцзяна, были вытеснены в развитие западные страны, где их не преследуют и им оказывается финансовая поддержка. Стоит отметить, что уйгурские диаспоры в странах Центральной Азии не поддерживает проводимую национальную политику в СУАР, однако не имеет возможности что-то противопоставить влиянию КНР [22].

Фактором, влияющим на отношения других стран с КНР, является и религиозная политика Китая. По всей видимости, КНР считает, что ислам может быть одним из оснований для возможного объединения уйгуров как внутри страны, так и за рубежом, а потому пытается по возможности максимально отдалить местных мусульман от мирового мусульманского сообщества. Это напрямую подталкивает уйгуров, которые, опасаясь за сохранность своей культуры, становятся более религиозными, к радикализации, что идёт вразрез с целью, ради которой Китай проводит все свои религиозные реформы.

Синьцзян в большей степени, чем другие регионы является источником озабоченности правительства Китая касательно национальной безопасности страны, в основном из-за связей выходцев с террористическими организациями. В то же время, как бы правительству КНР не хотелось отрицать этот факт, но уйгуры всё же не так близки этнически к ханьцам, как, например, мусульмане хуэйцы, а их религиозное самосознание преобладает над государственным. Таким образом, на современном этапе они ещё не до конца идентифицируют себя как жители Китая. Правительство КНР это осознает и поэтому предпринимает радикальные меры для скорейшего и всеобъемлющего сближения региона с остальным Китаем. И эти меры работают, с 2016 г. количество официально зарегистрированных терактов в СУАР фактически достигло нуля, рост населения, и уйгуров, в частности, в процентном отношении

превышает средний по стране, а ВВП на душу населения показывает стабильный рост [1; 23].

Китай сталкивается с нарастающей критикой со стороны США и Запада из-за своей политики в отношении национальных меньшинств. Растущий авторитет Китая на международной арене ставит под сомнение гегемонию США, что вызывает беспокойство у американских властей. Китай неоднократно заявлял о своем неприятии однополярного мира, навязанного западными странами, что прослеживается во всей международной повестке КНР.

Китай не стремится заменить США на посту мирового лидера, а пытается защитить свои национальные интересы и расширить свои сферы влияния, что неизбежно сталкивает его с Западом по ряду вопросов. КНР видит себя на мировой политической арене не как гегемона, а как альтернативу. Западные идеи и ценности, не подходящие некоторым странам, находят своё альтернативное выражение в «Сообществе единой судьбы». Наблюдаемый нами на современном этапе рост своеобразного разочарования в западной демократии во многом плодотворно сказывается на росте влияния ценностей «с китайской спецификой», что вместе с китайской «мягкой силой» привлекает на сторону КНР всё больше стратегических союзников [24].

Синьцзян становится значительным препятствием в отношениях с Западом, так как Китай не может позволить использовать эту ситуацию для давления на себя. Он стремится отделить уйгуров от мусульманских и тюркских сообществ, чтобы минимизировать негативное влияние на политические связи с Центральной Азией. Эти отношения критически важны для успеха инициативы «Пояс и путь», которая предоставляет развивающимся странам возможность улучшить экономическую ситуацию, но также потенциально создает зависимость от Китая.

Соответственно, важность Синьцзяна для Китая на современном этапе упирается не столько в ресурсное богатство региона, сколько в стратегическое расположение СУАР и его роль в реализации инициативы «Пояс и путь». Как уже говорилось ранее, эта инициатива по своей сути является не только экономическим планом, но и инструментом геополитического сближения стран-участниц [25]. КНР стремится создать

единое крупное межнациональное политическое пространство, где взаимозависимость суверенных государств будет настолько высока, что конфликтные ситуации и разногласия будут решаться только путем переговоров и взаимных уступок. Идея, которую председатель КНР Си Цзиньпинь назвал «Сообществом единой судьбы», изначально вдохновила возрождение «Шелкового пути» в виде «Пояса и пути». Этот проект должен объединить регионы Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии, где Китай, как самый крупный политический актер, должен занимать лидирующую позицию и формировать интеграцию всей Азии с помощью общности инфраструктуры, культуры, политического сознания, торговых связей, валют и т.д.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что СУАР является стратегически важной территорией для Китая как в национальном, так и в геополитическом плане. В то же время, этническое разнообразие СУАР и культурное отличие региона от Китая в целом, создает серьезные проблемы для китайского правительства. Опасения по поводу сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма побудили Китай внедрить жесткие меры безопасности и политику, направленную на скорейшую интеграцию уйгуров в китайскую нацию. Жесткий подход Китая в Синьцзяне вызвал значительные дипломатические трения с западными странами, а также осложнило реализацию инициативы BRI. Тем не менее, критики КНР часто игнорируют огромные успехи, которых Китай достиг в вопросе интеграции целого региона. Результаты, достигнутые правительством КНР в рамках ограждения СУАР от потенциальных террористических инцидентов, следует изучать и применять в других странах со схожими конфликтами.

Будущее СУАР и его влияние на более широкие геополитические устремления Китая остается неопределенным. Стратегическая важность региона вероятно обеспечит его сохранение в качестве ключевого направления внимания и ресурсов китайского правительства. Однако продолжающиеся напряженность и проблемы с правами человека в СУАР могут по-прежнему подрывать усилия Китая по формированию

позитивного глобального имиджа и построения «Сообщества единой судьбы». Навигация по этим сложным и взаимосвязанным внутренним и международным проблемам станет критическим испытанием для китайского руководства в ближайшие годы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Xinjiang Population Dynamics and Data // The State Council Information Office of the People's Republic of China: [сайт]. URL: http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2021-09/26/content_77775276_5.htm (дата обращения: 12.04.2024).
2. Сибу да кайфа西部大开发 [Большое западное развитие] // Чжунго шэхуэй кэсюэ ван 中国社会科学网 [Сайт Академии общественных наук КНР] URL: http://www.hprc.org.cn/gsgl/dsnb/zdsj/200908/t20090820_28292.html (дата обращения: 11.04.2024).
3. Нахимова Д.Д., Вавилова В.А. Антитеррористическая политика КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе – повод для международного вмешательства во внутреннюю политику Китая? // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 4. С. 44–63.
4. Цао Лэй 曹雷. Синь фачжань гэцзюй ся идай илу яньсянь шэнфэнь гоцзи маои сяолой яньцзю 新发展格局下“一带一路”沿线省份国际贸易效率研究 [Исследование эффективности международной торговли провинций «Пояса и пути» в условиях новой модели развития] // Тунцзи юй гуаньли 统计与管理 [Статистика и менеджмент]. 2024. №39 (02). С. 122–128.
5. «Идай илу» дэ чжунго бяньцзянь яньцзю синь шицзяо “一带一路”的中国边疆研究新视角 [Новый взгляд на пограничные исследования Китая в рамках «Инициативы «Пояс и путь»] // Xinjiang Documentaion project. The University of British Columbia: [сайт]. URL: <https://xinjiang.sppga.ubc.ca/new-vision/> (дата обращения: 11.04.2024).
6. Hang Yuan. The Belt and Road Initiative and international relations theories: Challenges and a new research agenda // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 33–46.
7. White Paper: Historical Matters Concerning Xinjiang // Internet Archive Wayback Machine: [сайт]. URL: https://web.archive.org/web/20201005142750/http://www.china.org.cn/government/white-paper/node_8013442.htm (дата обращения: 21.04.2024).
8. Чжан Вэй 张威. Чжаньлюэ цзинчжэн бэйцзин ся мэйго гоцзя миньчжу цзицзинь хуэй дуй синьцзян шиу дэ ганьшэ 战略竞争背景下美国国家民主基金会对新疆事务的干涉 [Вмешательство Национального фонда за демократию США в дела Синьцзяна в контексте стратегической конкуренции] // Туньи чжаньсянь сюэ яньцзю 统一战线学研究 [Журнал исследований объединенного фронта]. 2023. Т. 7. Вып. 4. С. 145–156.
9. White Paper: Employment and Labor Rights in Xinjiang // Xinjiang Documentaion project. The University of British Columbia: [сайт]. URL: <https://xinjiang.sppga.ubc.ca/employment-sept-2020/> (дата обращения: 21.04.2024).

10. Ли Цзе 李捷, Янььюй Бо 杨喻博. Чжаньлюэ гунцзюй юй чжи хуа шоудуань: мэйго ганьшэ синьцзян шиу 80 нянь (1943–2023 нянь) 战略工具与制华手段: 美国干涉新疆事务80年 (1943–2023年) [Стратегические инструменты и средства контроля над Китаем: 80 лет вмешательства США в дела Синьцзяна (1943–2023 гг.)] // Тунъи чжаньсянь сюэ яньцзю 统一战线学研究 [Журнал исследований объединенного фронта]. 2024. Т. 8. Вып. 02. С. 154–174.
11. White Paper: Respecting and Protecting the Rights of All Ethnic Groups in Xinjiang // Xinhuan news agency: [сайт]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-07/14/c_1310059892.htm (дата обращения: 16.04.2024).
12. Han, E. From domestic to international: the politics of ethnic identity in Xinjiang and Inner Mongolia // Nationalities Papers. 2011. Vol. 39. Iss. 6. P. 941–962.
13. VI. Preventing and Combating Religious Extremism // White Paper: Freedom of Religious Belief in Xinjiang. The State Council Information Office of the People's Republic of China: [сайт]. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2016/06/02/content_281475363031504.htm (дата обращения: 22.04.2024).
14. Ван Инхао 王应昊. Синьцзян вэйуэр цзычжицзюй цзунцзяо шиу тяоли сюдин дэ ии юй ляндянь 《新疆维吾尔自治区宗教事务条例》修订的意义与亮点 [Значение и основные моменты пересмотра «Положения по делам религии Синьцзян-Уйгурского автономного района»] // Чжунго цзунцзяо 中国宗教 [Журнал «Религия Китая»]. 2024. №1. С. 38–39.
15. Ю Шанпин 于尚平. Цзяньчи ситун гуаньянь чжэнти туйцзинь синьцзянь исылань цзяо чжунго хуа 坚持系统观念整体推进新疆伊斯兰教中国化 [Придерживаясь системной концепции и способствуя китаизации ислама Синьцзяна в целом] // Чжунго мусылинь 中国穆斯林 [Мусульмане в Китае]. 2023. № 6. С. 43–45.
16. He, A. The Belt and Road Initiative: Motivations, financing, expansion and challenges of Xi's ever-expanding strategy // Journal of Infrastructure, Policy and Development. 2020. Vol. 4. Iss. 1. P. 139–169.
17. Сюэ Ли 薛力. “Идай илу” юй вэньмин гунцунь фан бэйцзин дасюэ каогу вэньбо сюэюань цзяошоу чэнь лин “一带一路”与文明共存——访北京大学考古文博学院教授陈凌 [«Один пояс, один путь» и сосуществование цивилизаций – Интервью с Чэнь Лином, профессором факультета археологии и музеологии Пекинского университета] // China National Knowledge Infrastructure: [сайт]. URL: kns.cnki.net/kcms/detail/65.1285.c.20240517.1959.004.html (дата обращения: 16.04.2024).
18. Перская В.В. Инициатива «один пояс, один путь»: экономические отношения, направленные на всестороннее развитие территорий и регионов участников инициативы // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 5. [эл. доступ]. URL: <https://esj.today/PDF/77ECVN523.pdf> (дата обращения: 11.04.2024).
19. Chan, M.H.T. The Belt and Road Initiative – the New Silk Road: a research agenda // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2018. Vol. 7. Iss. 2. P. 104–123.
20. Юн С.М., Пакулин В.С. Взаимодействие Китая и стран Центральной и Восточной Европы в рамках инициативы «Пояса и Пути» и формата «17+1» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14. Вып. 2. С. 241–253.

21. Ван Инхао 王应昊. Синьцзян вэйуэр цзычжицую бяньминь цзинь у чжань тяоли 新疆维吾尔自治区便民警务站条例 [Положения Синьцзян-Уйгурского автономного района об удобных полицейских участках] // Синьцзян вэйуэр цзычжицую гуньань тин 新疆维吾尔自治区公安厅 [сайт департамента общественной безопасности Синьцзян-Уйгурского автономного района]: [сайт]. URL: <https://gat.xinjiang.gov.cn/gat/flfg1/202303/41aa86f69e474da18b88fbce8b612eda.shtml> (дата обращения: 21.04.2024).
22. Ван Юйфэй. Практика публичной дипломатии КНР в Центральной Азии: современное состояние, вызовы и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2022. Т.14. № 4. Р. 145–172.
23. White Paper: The Fight Against Terrorism and Extremism and Human Rights Protection in Xinjiang // Internet Archive Wayback Machine: [сайт]. URL: https://web.archive.org/web/20201005142756/http://www.china.org.cn/government/whitepaper/node_8011005.htm (дата обращения: 21.04.2024).
24. Чжан Цянь 张茜. Мэйго чжихэнъ идай илу дэ диюань цзинци лоци луцин цзи сяньду 美国制衡“一带一路”的地缘经济逻辑、路径及限度 [Геоэкономическая логика, пути и пределы сдержек и противовесов США в рамках инициативы «Один пояс, один путь»] // Мэйго яньцзю 美国研究 [Журнал «Американские исследования»]. 2024. № 38 (03). С. 52–84.
25. Фан Шэнджу 方盛举, Ян Жуйчжэ 杨睿哲. Бяньцзян чжили сяньдайхуа юй чжоубянь миньюнь гунтунти цзяньшэ 边疆治理现代化与周边命运共同体建设 [Модернизация управления приграничными территориями и построение сообщества с единым будущим для прилегающих территорий] // Юньнань шэхуэй кэсюэ 云南社会科学 [Журнал «Социальные науки Юньнани»]. 2024. [эл. доступ]. URL: <http://www.sky.yn.gov.cn/UpLoadFiles/File/2023-11-16/PG0VRCKNGO%E6%96%B9%E7%9B%9B%E4%B8%BE.pdf> (дата обращения: 21.04.2024).

REFERENCES

1. Xinjiang Population Dynamics and Data. *The State Council Information Office of the People's Republic of China*. Available at http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2021-09/26/content_77775276_5.htm (accessed: 12.04.2024).
2. Xibu da kaifa 西部大开发 [Western Development]. *Zhongguo shehui kexue wang* 中国社会科学网 [China Social Sciences Network]. Available at http://www.hprc.org.cn/gsgl/dsnb/zdsj/200908/t20090820_28292.html (accessed: 11.04.2024). (In Chinese).
3. Nakhimova D.D., Vavilova V.A. Antiterroristicheskaya politika KNR v Sin'tszyan-Uygurskom avtonomnom rayone – povod dlya mezhdunarodnogo vmeshatel'stva vo vnutrennyuyu politiku Kitaya? [Anti-Terrorist Policy of the People's Republic of China in the Xinjiang Uygur Autonomous Region – a Reason for International Intervention in the Internal Politics of China?]. *Rossiya v global'nom mire*. 2023. Vol. 26. Iss. 4. P. 44–63. (In Russian).

4. Tsao Ley 曹雷. Xin fazhan geju xia “yidai yilu” yanxian shengfen guoji maoyi xiaolu yanjiu 新发展格局下“一带一路”沿线省份国际贸易效率研究 [Research on the International Trade Efficiency of Provinces Along the "Belt and Road" Under the New Development Pattern]. *Tongji yu guanli* 统计与管理 [Statistics and Management]. 2024. № 39 (02). P. 122–128. (In Chinese).
5. “Yidai yilu” de zhongguo bianjiang yanjiu xin shijiao “一带一路”的中国边疆研究新视角 [A New Perspective on China's Border Studies Under the Belt and Road Initiative]. *Xinjiang Documentaion project. The University of British Columbia*. Available at <https://xinjiang.sppga.ubc.ca/new-vision/> (accessed: 11.04.2024). (In Chinese).
6. Hang Yuan. The Belt and Road Initiative and international relations theories: Challenges and a new research agenda. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2020. Vol. 13. Iss. 1. P. 33–46.
7. White Paper: Historical Matters Concerning Xinjiang. *Internet Archive Wayback Machine*. Available at https://web.archive.org/web/20201005142750/http://www.china.org.cn/government/whitepaper/node_8013442.htm (accessed: 21.04.2024).
8. Chzhan Vey 张威. Zhanlue jingzheng beijing xia meiguoguojiāa minzhu jijin hui dui xinjiang shiwu de ganshe 战略竞争背景下美国国家民主基金会对新疆事务的干涉 [The National Endowment for Democracy's Interference in Xinjiang Affairs in the Context of Strategic Competition]. *Tongyi zhanxian xue yanjiu* 统一战线学研究 [United Front Studies]. 2023. Vol. 7. Iss. 4. P. 145–156. (In Chinese).
9. White Paper: Employment and Labor Rights in Xinjiang. *Xinjiang Documentaion project. The University of British Columbia*. Available at <https://xinjiang.sppga.ubc.ca/employment-sept-2020/> (accessed: 21.04.2024).
10. Li Jie 李捷, Yangyu Bo 杨喻博. Zhanlue gongju yu zhi hua shouduan: Meiguoganshe xinjiang shiwu 80 nian (1943–2023 nian) 战略工具与制华手段：美国干涉新疆事务80年 (1943–2023年) [Strategic Tools and Means of Containing China: 80 Years of US Interference in Xinjiang Affairs (1943–2023)]. *Tongyi zhanxian xue yanjiu* 统一战线学研究 [United Front Studies]. 2024. Vol. 8. Iss. 02. P. 154–174. (In Chinese).
11. White Paper: Respecting and Protecting the Rights of All Ethnic Groups in Xinjiang. *Xinhuan news agency*. Available at http://www.xinhuanet.com/english/2021-07/14/c_1310059892.htm (accessed: 16.04.2024).
12. Han, E. From domestic to international: the politics of ethnic identity in Xinjiang and Inner Mongolia. *Nationalities Papers*. 2011. Vol. 39. Iss. 6. P. 941–962.
13. VI. Preventing and Combating Religious Extremism. *White Paper: Freedom of Religious Belief in Xinjiang. The State Council Information Office of the People's Republic of China*. Available at https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2016/06/02/content_281475363031504.htm (accessed: 22.04.2024).
14. Wang Yinghao 王应昊 “Xinjiang weiwu'er zizhiqu zongjiao shiwu tiaoli” xiuding de yiyi yu liangdian 《新疆维吾尔自治区宗教事务条例》修订的意义与亮点 [The Significance and Highlights of the Revision of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region Regulations on Religious Affairs]. *Zhongguo zongjiao* 中国宗教 [Chinese Religion]. 2024. №1. P. 38–39. (In Chinese).

- 15.** Yu Shangping 于尚平. Jianchi xitong guannian zhengti tuijin xinjiang yisilan jiao zhongguo hua 坚持系统观念整体推进新疆伊斯兰教中国化 [Adhere to the Systematic Concept and Promote the Sinicization of Islam in Xinjiang as a Whole]. *Zhongguo musulin* 中国穆斯林 [*Chinese Muslims*]. 2023. № 6. P. 43–45. (In Chinese).
- 16.** He, A. The Belt and Road Initiative: Motivations, financing, expansion and challenges of Xi's ever-expanding strategy. *Journal of Infrastructure, Policy and Development*. 2020. Vol. 4. Iss. 1. P. 139–169.
- 17.** Xue Li 薛力. “Yidai yilu” yu wenming gongcun— —fang beijing daxue kaogu wenbo xueyuan jiaoshou chen ling “一带一路”与文明共存——访北京大学考古文博学院教授陈凌 [The Belt and Road Initiative and the Coexistence of Civilizations: An Interview with Professor Chen Ling from the School of Archaeology and Museology, Peking University]. *China National Knowledge Infrastructure*. Available at kns.cnki.net/kcms/detail/65.1285.c.20240517.1959.004.html (accessed: 16.04.2024). (In Chinese).
- 18.** Perskaya V.V. Initsiativa «odin poyas, odin put»: ekonomicheskiye otnosheniya, napravlenyye na vsestoronneye razvitiye territoriy i regionov uchastnikov initsiativy [The Belt and Road Initiative initiative: economic relations aimed at the comprehensive development of the territories and regions of the participants in the initiative]. *Vestnik yevraziyskoy nauki*. 2023. Vol. 15. № 5. Available at <https://esj.today/PDF/77ECVN523.pdf> (accessed: 11.04.2024). (In Russian).
- 19.** Chan, M.H.T. The Belt and Road Initiative – the New Silk Road: a research agenda. *Journal of Contemporary East Asia Studies*. 2018. Vol. 7. Iss. 2. P. 104–123.
- 20.** Yun S.M., Pakulin V.S. Vzaimodeystviye Kitaya i stran Tsentralnoy i Vostochnoy Yevropy v ramkakh initsiativy «Poyasa i Puti» i formata «17+1» [Interaction between China and the countries of Central and Eastern Europe within the framework of the Belt and Road Initiative and the 17+1 format]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2021. Vol. 14. Iss. 2. P. 241–253. (In Russian).
- 21.** Wang Yinghao 王应昊. Xinjiang weiwu'er zizhiqu bianmin jing wu zhan tiaoli 新疆维吾尔自治区便民警务站条例 [Regulations on Convenient Police Stations in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region]. *Xinjiang weiwuer zizhiqu gongan ting* 新疆维吾尔自治区公安厅 [*Xinjiang Uyghur Autonomous Region Public Security Department website*]. Available at <https://gat.xinjiang.gov.cn/gat/flfg1/202303/41aa86f69e474da18b88fbce8b612eda.shtml> (accessed: 21.04.2024). (In Chinese).
- 22.** Van Jufjej. Praktika publichnoy diplomatii KNR v Tsentralnoy Azii: sovremennoye sostoyaniye, vyzovy i perspektivy razvitiya [The Practice of Public Diplomacy of the PRC in Central Asia: Current State, Challenges and Development Prospects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXV. Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika*. 2022. Vol. 14. № 4. P. 145–172. (In Russian).
- 23.** White Paper: The Fight Against Terrorism and Extremism and Human Rights Protection in Xinjiang. *Internet Archive Wayback Machine*. Available at https://web.archive.org/web/20201005142756/http://www.china.org.cn/government/white-paper/node_8011005.htm (accessed: 21.04.2024).
- 24.** Zhang Qian 张茜. Meiguo zhiheng “yidai yilu” di diyuan jingji luojii, lujing ji xiandu 美国制衡“一带一路”的地缘经济逻辑、路径及限度 [The Geo-Economic Logic, Path and

Limits of the United States' Checks and Balances on the Belt and Road Initiative]. *Meiguo yanjiu* 美国研究 [*American Studies*]. 2024. № 38 (03). P. 52–84. (In Chinese).

25. Fang Shengju 方盛举, Yang Ruizhe 杨睿哲 *Bianjiang zhili xiandaihua yu zhoubian mingyun gongtongti jianshe* 边疆治理现代化与周边命运共同体建设 [Modernization of Border Governance and the Construction of a Community with a Shared Future for Neighboring Countries]. *Yunnan shehui kexue* 云南社会科学 [Yunnan Social Sciences]. 2024. Available at <http://www.sky.yn.gov.cn/UploadFiles/File/2023-11-16/PG0VRCKNGO%E6%96%B9%E7%9B%9B%E4%B8%BE.pdf> (accessed: 21.04.2024). (In Chinese).

Сведения об авторах / Information about authors

Милькевич Федор Петрович – аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: milkevich.fp@edu.spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-7817-9309.

Автор подтверждает отсутствие конфликта интересов.

Milkevich Fedor P. – Postgraduate student of Higher School of International Relations, Humanitarian Institute. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: milkevich.fp@edu.spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-7817-9309.

The author confirms that there is no conflict of interest.

*Статья поступила в редакцию 12.06.2024. Одобрена после рецензирования 28.07.2024. Принята 29.07.2024.
Received 12.06.2024. Approved after reviewing 28.07.2024. Accepted 29.07.2024.*